

Этнология, антропология и этнография

Научная статья

УДК 395+297.1

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-270-281

EDN: DYXRPK

**СУФИЙСКИЕ ПРАКТИКИ ИНГУШСКИХ ЖЕНЩИН:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ****Макка Султан-Гиреевна Албогачиева**

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
РАН, Санкт-Петербург, Россия, albmac@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9746-1820>

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей женских суфийских практик в ингушском обществе. Выявлены и охарактеризованы причины и мотивы, движущие женщинами в поисках душевного равновесия, возрастной и социальный состав участниц ритуала. Рассмотрено, как менялись духовные практики на различных этапах жизни общества. Установлено, в каких религиозных братствах участие женщин в ритуалах зикра допустимо, как политические процессы влияли на женскую религиозную активность, связанную с ритуалом зикра. Отмечено, что рассмотрение данной темы позволяет не только выявить те изменения, которые произошли в религиозной жизни женских суфийских групп Ингушетии, но и показать, какую роль в их жизни играет ритуальная практика зикра. В статье использованы современные методы историко-этнологического описания, необходимые для подробного рассмотрения региональных особенностей ритуальных практик ингушских женщин.

Ключевые слова: женщина, ингушка, суфии, тарикат, мюрид, зикр, ритуал, обряд.

Благодарности: Исследование проведено в рамках темы НИР МАЭ РАН – «Многообразие культурного наследия и этническая история народов исламского мира (историко-этнографические, музейные и архивные источники)» (рук. Е.А. Резван).

Для цитирования: Албогачиева М.С.-Г. Суфийские практики ингушских женщин: история и современность // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 270-281. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-270-281. EDN: DYXRPK.

© Албогачиева М.С.-Г., 2022

Original article

**SUFI PRACTICES OF INGUSH WOMEN:
HISTORY AND MODERNITY****Makka S.-G. Albogachieva**

Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great (Kunstkamer) RAS, St. Petersburg, Russia, albmac@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9746-1820>

Abstract. The article is devoted to the study of the peculiarities of women's Sufi practices in Ingush society. This article shows how and under whose influence women could take part in the rituals of a loud zikr, how women come to the fraternity, the reasons and motives driving women in search of mental balance, age and social composition of the participants in the ritual. We considered how spiritual practices changed at various stages of society, in which religious fraternities the participation of women in zikr rituals is permissible. How political processes influenced female religious activity associated with the zikr ritual. The consideration of this topic in this vein allows not only to see the changes that have occurred in the religious life of women's Sufi groups in Ingushetia, but also to show what role the ritual practice of zikr has in the life of society and the participants themselves. This article uses modern methods of historical and ethnological description necessary for a detailed consideration of the regional features of the ritual practices of Ingush women.

Key words: woman, ingushka, Sufis, tariqat, murid, zikr, ritual, rite.

Gratitude: The study was conducted within the framework of the topic NIR MAE RAS - "Diversity of cultural heritage and ethnic history of the peoples of the Islamic world (historical, ethnographic, museum and archival sources)" (hand. E.A. Rezvan).

For citation: Albogachieva M.S.-G. Sufi practices of Ingush women: history and modernity. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 3. – P. 270-281. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-270-281. EDN: DYXRPK.

© Albogachieva M.S.-G., 2022

Введение

Религия играет важную роль в функционировании любого общества, вписывая жизнь индивида в канву определённых условностей, отход от которых выводит его за рамки данного социума или подвергает критике. Современные ингуши – мусульмане-сунниты – принадлежат двум тарикатам: накшбандийа и кадирийа, в свою очередь, подразделяющимся на братства (вирды) [Албогачиева 2013а: 318]. Окончательное принятие ислама произошло в середине XIX в. было связано с проповедческой деятельностью чеченского шейха Кунта-хаджи Кишиева. С этого времени религиозные догмы пронизывают все сферы жизнедеятельности, общественные и семейные отношения, обычаи и традиции народа. Особая роль для сохранения традиционной культуры отводится женщине, так как она с самого детства закладывает в детях любовь к своему народу, религии, стране, нормам поведения и многому, что регламентирует поведение индивида в социуме. Ингушской женщине в традиционном обществе отводилась роль хранительницы очага [Ахриев 1871: 3]. Но со временем ее жизнь сильно изменилась. Этому послужило распространение и укрепление в ингушском обществе кадирийского тариката. Кунта-хаджи разрешил впервые, женщинам участвовать в круговом зикре. С этого периода в обществе существуют «женщины-мюриды» (инг. *истий мурдаш*). Для обывателя нет ответа на вопросы: кто эти женщины? Чем они занимаются в повседневной жизни? Какие функции они выполняют в ингушском обществе? Это связано не только с их малочисленностью, но и с тем, что до настоящего времени нет обстоятельных работ по женским суфийским практикам, несмотря на то что подобная субкультура характерна для не только жительниц Ингушетии, Чечни, Дагестана, но и женщинам других регионов страны и мира. Эта тема не нашла должного осве-

щения в научных публикациях, особенно в региональном аспекте. Наиболее интересные статьи, касающиеся исследуемой темы, принадлежат чеченским исследователям Л.М. Гарсаеву и А.М. Гарасаеву [Гарсаев, Гарасаев 2012; Гарсаев и др. 2016].

Этими работами ограничивается источниковая база по заявленной теме. Для восполнения существующего пробела были проведены полевые исследования в Назрановском, Малгобекском, Сунженском и Джайрахском районах Ингушетии и в местах компактного проживания ингушей – Пригородном районе РСО-Алания. Нашими информантами были женщины, практикующие громкий зикр, возрастной состав которых варьирует от 25 до 70 лет. Основные вопросы, которые ставились перед респондентами касались самого ритуала зикра: места, времени, атрибутов женщин во время ритуала, их мотива, благодаря которому они пришли в это братство, психологического состояния во время ритуала, какой смысл они вкладывают в ритуальную практику? Не все вопросы удалось осветить в должной мере, так как сами женщины не всегда могли четко сформулировать ответы на поставленные перед ними вопросы. Тем не менее, основная цель, поставленная в ходе исследовательской работы, была выполнена. Результатом этого исследования стала статья «Женские суфийские практики громкого зикра в Ингушетии», опубликованная в журнале «Ислам в современном мире» [Албогачиева 2018: 149-164]. Настоящая статья представляет собой дополненный и переработанный материал последующего периода (2019–2021 гг.). Новые материалы, полученные в ходе исследования, позволяют показать: какие изменения произошли в обрядовой практике ингушских женщин; что послужило изменению отношения к ритуальным практикам; как реисламизация последних лет изменила отношение традиционному исламу, в котором еще в остаточной форме существует женский зикр. Кроме того, из религиозной жизни уходят многие элементы, связанные с мировоззрением и культурой ингушского народа, так как они не укладываются в нормы ортодоксального ислама. Ввиду всех вышеописанных причин эта работа призвана зафиксировать и изучить те изменения, которые произошли в обрядовых практиках женщин.

История распространения женского зикра

Женские суфийские практики в Ингушетии имеют полуторавековую историю. В середине XIX в. женщина была затворницей и принимала участие только в хозяйственной жизни семьи [Ахриев 1871: 3]. Кардинальные изменения в положении женщин начали происходить в середине XIX в. Это было связано с распространением на Северо-Восточном Кавказе учения Кунта-хаджи Кишиева (1800–?), уроженца чеченского аула Иласхан-юрт. Кадирийский тарикат, который он распространил на Кавказе в середине XIX в., отличался от известного в Ингушетии еще с XVIII в. тариката накшбандийа. Согласно его учению, женщине предоставлялось право принимать участие в суфийских ритуальных практиках громкого зикра [Албогачиева 2012: 105]. Кунта-хаджи стал очень популярным в ингушском, чеченском и андийском обществе Дагестана. Число последователей Кунта-хаджи из года в год становилось больше и больше. Обеспечивавшей силу религиозной организацией, царские власти начали

преследовать «зикристов» и арестовали Кунта-хаджи. После его ареста возникли новые религиозные братства (инг. *вирд*). О жизни в заключении сведений мало. Последователи считают, что он лишь скрылся и явится накануне Судного дня. После ухода Кунта-хаджи с Кавказа его адепты – Бамат-Гирей-хаджи Митаев, Батал-хаджи Белхороев, Хусейн-хаджи Гарданов, Чим-Мирза Таумерзаев, Мани-шейх Назиров и Вис-хаджи Загиев создали новые религиозные братства [Албогачиева 2013а: 320]. В начале XX в. вся территория Ингушетии и Чечни была разделена на религиозные братства с большим или меньшим числом последователей. Некоторые из них не ограничивали женщин и позволяли женщинам принимать участие в зикрах и чтениях айятов. Однако их было ограниченное число. Об этом свидетельствуют и полевые материалы. Так, например, в период сбора полевого материала, известный ингушский богослов Суламбек Евлоев, сын Шахбота Евлоева – муллы и тамады ингушей, проживавших в городе Орджоникидзе (ныне г. Владикавказ, РСО-Алания, Россия), рассказал историю, связанную с периодом распространения ислама в Ингушетии. Из его рассказа стало известно, что, когда Кунта-хаджи приехал в середине XIX в. очередной раз в Ингушетию и как для дорогого гостя для него зарезали барана, он попросил, чтобы галушки к столу приготовила женщина, которая делает намаз [Албогачиева 2009-2021]. Хозяйка дома не умела, и они привезли женщину из соседнего села Барсуки, которая выполняла основные столпы ислама. Она удовлетворила просьбу гостя. В последующем эту информацию подтверждали и другие информанты [Албогачиева 2009-2021]. Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что на том историческом этапе еще незначительная часть женщин практиковала намаз и чтение айятов, а тем более участие в зикрах. Ислам постепенно стал укреплять свои позиции на территории Ингушетии. Здесь начала формироваться местная мусульманская элита. Это способствовало тому, что женщины стали постигать основы мусульманской религии в лоне семьи. Но это было прерогативой только немногих женщин, так как они не имели возможности посещать медресе и получать полноценное образование. Самую значительную часть женщин, постигших основы ислама, составляли дочери, жены, сестры, матери ученых алимов Ингушетии. Они и стали первыми распространять мусульманские догматы среди женщин.

Постепенно в обществе сформировалась женская группа, не только изучающая основы ислама, но практикующая громкий зикр. Они, по очереди стали у себя на дому собираться по четвергам для проведения ритуала зикра. Таких женщин было немного. Это было связано не только с ограничениями со стороны мужской половины, но и с многочисленными обязанностями, лежащими на их плечах, со сложностью передвижения из одного конца села в другой и отсутствием свободного времени. Тем не менее эта практика продолжала существовать.

В 1944 г. ингушей и чеченцев депортировали в Среднюю Азию и Казахстан, но и там они практиковали зикр. По свидетельству нескольких информантов, женщины даже чаще встречались для проведения ритуала, чем мужчины, так как они не привлекали такого внимания, как мужчины [Албогачиева 2009-2021]. Известно, что в местах депортации мужчины должны были регулярно

отмечаться в комендатуре, и они были под особым контролем со стороны местных властей. Вместе с тем, несмотря на тяжелые условия существования и тотальный контроль, адепт Чин-Мирзы, одного из мюридов Кунта-Хаджи, образовал новое религиозное братство в Атбасаре. Это был Вис-хаджи Загиев, который стал последним шейхом кадирийского тариката Чечни. Он, ввел в практику совместное совершение зикра мужчинами и женщинами, что отличало его вирд от всех других чеченских вирдов. Женщины его вирда чаще чем другие практиковали зикр. Это было связано с тем, что члены этого вирда жили обособленно, и шейх имел более тесные связи с руководителями колхоза, которые не обращали особого внимания на обрядовую сторону, так как последователи шейха были очень дисциплинированными и трудолюбивыми. Таких предпочтений не было у других последователей кадирийского тариката.

В 1957 г. ингуши и чеченцы были реабилитированы и вернулись на родину. Первые годы женские практики не получили широкого распространения, так как не все массово вернулись на родину и еще не все наладили прежние контакты. Однако уже в начале 1970-х женщины стали, как и прежде, собираться для проведения ритуальных практик. Наличие зикристских женских групп в районах очень тревожило местные власти. Коммунистами принимались различные меры по предотвращению этих сборов. Под их чутким вниманием были сборы в пятницу, так как в эти дни проходили коллективные намазы и зикры. Если участница зикра была работающим человеком, то по доносу коллег или иных «доброжелателей» ее вызывали в партком для проведения соответствующей беседы. Все женщины, уличённые в участии в зикре, не зависимо от того, домохозяйка она и или работающая, приглашалась в райком партии, где с ними проводилась беседа. Женщин всячески запугивали, но, по имеющимся данным, задержаний и арестов женщин-мюридов в отличие от мужчин не было. Такая же практика была характерна и для других регионов. Так, например, в соседнем Дагестане в советский период «женщины-мюриды из Кахиба каждую пятницу проводили коллективные молитвы в одном из домов села. Следует обратить внимание на соотношение мужчин и женщин мюридов, последователей шейха Гасана Кахибского – 466 мужчин и 1600 женщин. Очевидно, что это было результатом репрессий в отношении мужчин – верующих, в том числе и из среды духовенства» [Мутиева 2022: 9]. О существовании женских ритуальных практик в Центральной Азии упоминается и в работе Б.М. Бабаджанова. Вместе с тем он не описывает подробно ритуал зикра в котором участвуют женщины. Однако, эти материалы подтверждают о существовании подобных ритуалов и в других регионах, но не позволяют отразить региональные особенности зикра.

Полевые материалы свидетельствуют о том, что большая группа практикующих зикр сложилась в 1970-х гг. в станице Слепцовой (с 2016 г. – город Сунжа, Республика Ингушетия, Россия) – около 30–50 женщин регулярно участвовали в зикрах. По сообщениям информантов, они были разновозрастными, от 18 лет и старше, до преклонного возраста [Албогачиева 2009-2021]. Национальный состав участниц был в основном ингушский, но некоторые участницы были из нахского общества, мялхи. Основала и руководила обществом зикристок ингушка Оздоева (Сейнароева) Къарибат Чонтиевна (1901–

1992) и до самой смерти оставалась их тхамадой. Ее помощником-исполнителем являлась ингушка Колоева (Цицкиева) Марем Кагермановна (1932–2013). Религиозная активность их не прекращалась со дня основания.

Однако, в конце 90-х гг. XX в. мусульманское общество страны получило разного рода преференции, касающиеся их религиозных догматов. Начались поездки в хадж, открылись мусульманские школы и университеты, повсеместно стали строиться мечети. А с началом перестройки появилась возможность получать религиозное образование за рубежом. Это привело к тому, что наряду с тарикатами накшбандийа и кадирийа стало формироваться и радикальное крыло в лице ваххабитов и салафитов, которые стали выступать против местного варианта суфийских практик [Албогачиева 2017: 300]. Они считают совершенно недопустимым участие женщин в коллективных ритуалах. Это очень сильно отразилось и на количественном и возрастном составе участниц зикра. Как подтверждают полевые материалы до указанного периода молодых женщин, участвующих в ритуале зикра было гораздо больше. Это связано с тем, что новые религиозные взгляды стали более близки и востребованы молодежью, а старшее поколение осталось приверженцем традиционных для ингушского общества норм ислама. Влияние интернета и социальных сетей изменило отношение к ритуальным практикам. Женщины стали находить новую нишу для реализации своих потребностей в виртуальном пространстве. Сформировалось целое поколение молодых мусульман, считающих практику зикра недопустимой и нежелательной для ингушского общества. В связи с этим у многих женщин в семье возникают проблемы, связанные с их религиозной активностью. Некоторые женщины вынуждены покидать свою социокультурную и духовную ячейку под влиянием близких мужчин. Этому влиянию больше подвержены молодые женщины. Их численный состав из года в год сокращается среди участников зикра.

В ритуале участвуют в большинстве своем женщины, достигшие возраста ритуальной чистоты. Основной возрастной состав участниц варьирует от 40 до 70 лет, но иногда среди них можно встретить и более молодых женщин. В настоящее время активных женщин-мюридов в различных населенных пунктах Ингушетии стало значительно меньше. Поэтому для проведения ритуала зикра они объединяются с женщинами из других населенных пунктов.

Часть женщин приходят на ритуал по совету знакомых или родственников. Это связано с тем, что для основной массы приход в братства связан с поиском духовной ниши, в которой они смогут восполнить образовавшийся вакуум. Чаще всего в эти группы приходят женщины, у которых в семье произошла трагедия или их постигли большие несчастья и неприятности. Как глубоко верующие люди, они знают, что нет таких обстоятельств и ситуаций, когда жизнь утратила бы свой смысл. В исламе, как и в христианстве, недопустимо самоубийство. Для того чтобы пережить потерю близких или иную трагедию, они ищут спасения в коллективных молитвах. После знакомства с женскими религиозными практиками многие начинают выходить из депрессии или просто плохого душевного состояния. Совершая групповой зикр, они понимают, что им близки основы суфизма, через которые они могут приблизиться к понимаемому божественного начала. Высшей целью познания суфии считают познание Бога

в себе. Средством такого постижения считается мистический Путь любви (или сердца). Сердце станет достойным получить любовь только тогда, когда оно сможет посредством духовного усилия растворить все проявления души [Вильданов 2012: 7]. Посвящая свою жизнь служению Богу, они учатся очищать свою душу от негатива, накопленного за многие годы. Как отмечают женщины, это долгий и сложный процесс, который они проходят под руководством женщины-туркха [Албогачиева 2009-2021]. Для того чтобы научить женщин, как отказаться от различных плохих привычек, свойственных им до прихода в эту группу, им даются определенные вирд-задания, выполняя которые они отучают себя от них. Так, одна из участниц зикра признавалась, что она всегда осуждала окружающих за те или иные поступки, критиковала всех своих знакомых и незнакомых людей и не представляла без этого свою жизнь. Но трагедия, произошедшая в ее жизни, заставила ее посмотреть на все, что она делает, под другим углом зрения. Ей захотелось измениться в лучшую сторону, но она не знала, как это сделать. Случай свел ее с женщиной, занимавшейся суфийскими практиками. Она оказалась близка к идеалу, к которому стремилась информантка в последние годы. Познакомившись ближе, она узнала, что ее новая знакомая регулярно делает зикр, выполняет пять столпов ислама и проводит свое свободное время в чтении Корана и различных молитв. Она стала посещать зикры регулярно и постепенно отошла от своих прежних привычек [Албогачиева 2009-2021].

Часто люди, испытавшие страдания и горе, находят утешение в религии. Согласно теории трансформации личности М.Ш. Магомед-Эминова, «ситуация экстремального опыта может стать как источником страдания, так и источником стойкости, мужества и роста, просветления, в зависимости от смысловой позиции, которую занимает человек» [Магомед-Эминов 2009: 47]. Многие участницы зикра отмечают, что во время этого ритуала они чувствуют эмоциональный подъем и физическую легкость.

Большое значение при проведении зикра имеют религиозные песнопения. Женщины-мюриды также практикуют религиозные песнопения. Одной из первых моих информантов, практикующих зикр, была Лида Арцханова. Именно благодаря ей удалось встречаться с женщинами во время ритуала и проводить свои исследования среди ее единомышленников. Лида обладает прекрасным голосом, знает большое количество религиозных песнопений (инг. *назым*) и читает мовлиды. Она и исполнитель, и собиратель этих религиозных песнопений. Из-за хорошо поставленного от природы голоса ее просят быть запевалой почти на всех встречах женщин. Чаще всего мусульманские песнопения исполняют женщины до начала коллективного зикра и после него. К великому сожалению, этому жанру народного искусства в Ингушетии не уделено нужного внимания ни в научных публикациях, ни в творчестве современных исполнительниц. Такой опыт есть во многих мусульманских регионах Российской Федерации. Так, например, «исполнение религиозных жанров становится неременной частью программ фольклорно-этнографических ансамблей, участники которых записывают старинные напевы непосредственно от носителей традиции и выносят их на концертную эстраду. Среди таких коллективов татарские фольклорные

ансамбли «Ак калфак» и «Жомга кён», возникшие в конце девяностых годов XX в. и начале XXI столетия» [Еникеева 2020: 33]. Мы можем наблюдать, как расширяется мусульманский компонент и в социокультурном пространстве современного Северо-Восточного Кавказа. «Религиозные музыкально-поэтические жанры, сформированные в контексте мусульманского обряда, обогатили жанровое поле традиционной музыки народов Дагестана, обозначили новые векторы в развитии музыкальной культуры региона. Если современная академическая и массовая музыка ориентирована на модернизацию и активно демонстрирует способность к интонационной интеграции в европейское музыкальное пространство, то сакрально-религиозные жанры демонстрируют приоритет локальной идентичности благодаря корпусу интонаций, которые являются знаково-выразительными смыслами этномузыкальной традиции дагестанских народов» [Абдулаева 2021: 209]. Такая же тенденция появления новых форм музыкального творчества наблюдается и в Чеченской Республике и в Ахмедском районе Грузии, где выступают женщины с исполнением различных религиозных песнопений. Таким образом они пропагандируют духовную культуру ислама. Мусульманские песнопения, традиционно исполняемые без привлечения музыкальных инструментов, не запрещены в исламе. Недопустимым считается изменение звучания голоса, накладывание различных звуков, использование музыкальных инструментов, кроме ударного инструмента, напоминающего небольшой барабан или бубен. Тем не менее, на просторах мусульманского мира есть известные исполнители нашидов, которые признаны во всем мире. Одним из наиболее известных нашидов на сегодняшний день в мире является Сами Юсуф – азербайджанец иранского происхождения. Ежедневная леволиберальная газета Великобритании The Guardian назвала его самым известным в мире британским мусульманином [Гарифуллин 2015].

Ингушкие женщины-мюриды не выступают на музыкальных площадках региона для популяризации канонического (арабо-мусульманского) компонента. Их исполнение возможно услышать только на коллективных встречах во время зикров или посещения зийаратов. Назымы связаны с жизнью пророка Мухаммада, его сподвижников, с именами основателей местных религиозных братств и историей распространения ислама. Безусловно, в назымах прослеживается соединение различных пластов культуры, которые имеют давнее происхождение и определяются конкретными историческими условиями бытования ислама на Кавказе. Для участниц зикра исполнение религиозных песнопений имеет огромное значение. Именно они задают темп движению зикра.

Религиозные песнопения занимают важное место не только в обрядовой части, но и при посещении зийаратов региона и при совершении хаджа в Мекку. Как известно, все паломники, приезжающие для выполнения пятого столпа ислама в Саудовскую Аравию, обязательно посещают зийарат пророка Мухаммада в Медине. Этот зийарат не является столпом ислама, но его исполнение каждый правоверный считает своим долгом. Находясь в хадже и проходя мимо палаток в долине Мина или на Арафате, можно услышать исполнение религиозных песнопений женщинами, практикующими зикр и приехавшими с Кавказа. Здесь же отметим, что в советский период совершение хаджа было невоз-

можно и многие верующие, в том числе и женщины, совершали пеший малый хадж к месту захоронения матери Кунта-хаджи Хэди в с. Эртени в Чечне. Зийарат находится в высокогорном селении в Веденском районе. В то время подъездные дороги были разбиты и паломникам приходилось с большим трудом добираться до могилы Хэди. В настоящее время благодаря инициативам руководителя Чечни Рамзана Кадырова этот зийарат, как, впрочем, и все остальные зийараты святых, приведены в надлежащий вид и ждут своих паломников.

Ингушские женщины, прежде чем посетить зийарат Хэди в Чечне, отправляются в с. Гази-юрт к зийарату Тешала Ужахова, который был адептом Кунта-хаджи. Уезжая из Ингушетии, Кунта-хаджи оставил Тешала Ужахова после себя духовным наставником мусульман. Поэтому его могила является очень почитаемой среди мусульман региона. Паломницы делают там дуа и продолжают свое путешествие в Чечню. Приезжая к месту погребения матери Кунта-хаджи, они читают молитвы и только после этого заходят в само помещение зийарата. Трижды обходят могилу, переходят в комнату, пристроенную к зийарату, и делают намаз, после которого делают дуа за родных, близких, больных, за всю мусульманскую умму. Впрочем, содержание дуа может быть различным в зависимости от желания участниц. Так, во время первой и второй чеченской кампании местные женщины приходили к могиле Хэди и просили Аллаха остановить военные действия, чтобы на земле Чечни наступил мир.

Еще одним очень популярным зийаратом для женщин, практикующих зикр, является кладбище Кирхляр в Дербенте. Это место – самое посещаемое всеми мусульманами региона, и не только из-за того, что там похоронены 40 сподвижников пророка Мухаммада. Это один из древнейших мусульманских памятников на Северном Кавказе. Женщины-мюриды несколько раз в год посещают эту святыню, арендуя микроавтобус, и отправляются туда на несколько дней, так как расстояние от Ингушетии до Дербента очень большое (370 км). Этот длинный путь пожилым паломницам бывает нелегко преодолеть, на дорогу с остановками уходит 6–9 часов. В пути паломницы молятся, делают дуа и напевают религиозные песнопения – назымы, в которых восхваляют пророков, шейхов – основателей вирдов, сподвижников пророка Мухаммада и многое другое из истории ислама.

Кроме зийаратов к святым местам, мюриды совершают и зерат к больным. На ингушском языке посещение кого-нибудь переводится как зерат [Албогачиева 2013б: 304]. Это тоже важная часть жизни женщин, практикующих зикр. Узнав о болезни человека, они по просьбе родных или по собственной инициативе отправляются к нему и читают мовлиды, зикры, делают дуа за его выздоровление. Посещение больного по этикету предполагает какое-нибудь угощение. Они приносят с собой продукты или дают деньги, которые собирают со всех участников зикра. Большая часть из них пенсионеры, но тем не менее с пустыми руками они не приходят. Свои зераты они делают ради Аллаха, уповая на его милость.

Заключение

Женщины-мюриды всегда имели высокий общественный статус, но в последние десятилетия количество женских групп, совершающих зикр, стало

уменьшаться, как, впрочем, и число участниц. В значительной степени этому способствует укрепление позиций салафитов считающих, что женщинам можно молиться и дома. Однако нам представляется, что это связано не только с влиянием мужчин, которое было всегда, но и с современным образом жизни. Если раньше женщины объединялись в социокультурные ячейки для коллективного радения, совершения ритуальных действий, а также для получения знаний по исламу, то в настоящее время подобных проблем не возникает. Многие современные женщины независимо от возраста освоили интернет, который доступен для жителей всех районов Ингушетии, что позволяет им постигать основы ислама с помощью компьютера. Вероятно, женщины получили возможность реализовывать свои духовные потребности другими способами и смотрят на женский зикр как на нечто устаревшее, архаичное и не укладывающееся в нормы современного бытия.

Вместе с тем сами участницы зикра считают, что именно коллективные радения позволяют им постигать любовь к Всевышнему и всему человечеству. В них преобладает чувство сострадания, милосердия, любовь к ближнему, отражающаяся в действиях, совершаемых с целью принесения духовной помощи себе и другим. Совершая зикр, они стремятся получить блага как в этом, так и в другом мире. Исследователи подчеркивают, что в зикре отмечается проявление «женской» гендерной роли, в которой отражена любовь к Богу [Суворова 2011: 128]. Главное для них – довольство Аллаха, к которому они стремятся всеми доступными для них средствами. Многие женщины сумели самостоятельно решить свои собственные проблемы с помощью регулярных практик зикра. Женщины-мюриды считают, что ритуал зикра и его сохранение в обществе очень важно для женской части общества. Коллективный зикр дает им возможность общаться с единомышленниками и не заикливаться повседневных заботах. Через зикр они находят путь к жизни и к Богу. Кроме того, они ощущают себя единой социокультурной ячейкой общества, которая отличается от всей остальной массы своим желанием изменить отношение к религии и к женщине. В этом особом положении, в котором они находятся, прослеживается их желание показать свою уникальность и особую роль женщин в духовном развитии общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абдулаева 2021 – *Абдулаева М.Ш.* Сакральное-религиозная музыка народов Дагестана: универсальные характеристики и локальные традиции // Кавказ: перекресток культур. – СПб.: МАЭ РАН, 2021. – Вып. 3. – С. 208-214.

Албогачиева 2012 – *Албогачиева М.С.-Г.* Кунта-хаджи Кишиев, его проповедь и последователи // Шейх, Устаз, Овлия Кунта-Хаджи Кишиев. сборник статей. авт. проекта и сост. Р.-Х. Ш. Албагачиев. – Нальчик: «Тетраграф», 2012. – С. 101-107.

Албогачиева 2013а – *Албогачиева М. С.- Г.* Ислам / М. С. Г. Албогачиева // Ингуши: коллективная монография. – М.: «Наука», 2013. – С. 317-330.

Албогачиева 2013б – *Албогачиева М.С.-Г.* Ингушская женщина в городской и сельской среде // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2013. – С. 290-330.

Албогачиева 2017 – *Албогачиева М.С.-Г.* Радикальный ислам в Ингушетии: основные этапы и специфика распространения // Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. – М.: «Чеховский Печатный двор», 2017. – С. 283-317.

- Албогачиева 2018 – *Албогачиева М.С.-Г.* Женские суфийские практики громкого зикра в Ингушетии // *Ислам в современном мире.* – 2018. – № 14 (2). – С. 149-164.
- Албогачиева 2009-2021 – Полевые материалы автора. Ингушетия, 2009–2021 гг.
- Ахриев 1871 – Об ингушских женщинах // *Терские ведомости.* – 1871. – № 31.
- Бабабджанов 2009 – *Бабабджанов Б.М.* Зикр джахр у братств Центральной Азии: дискуссии, типология, возрождение // *РАХ ISLAMICA.* – 2009. – № 1 (2). – С. 105-125.
- Вильданов 2012 – *Вильданов У.С.* Суфизм о пути любви к наивысшему совершенству (по мировосприятию шейха З. Расулева) // *Проблемы востоковедения.* – 2012. – № 1 (55). – С. 7-9.
- Гарсаев, Гарасаев 2012 – *Гарсаев Л.М., Гарасаев А.М.* Роль и место вайнахской женщины в суфийском братстве Кунта-Хаджи – Чечня (некоторые аспекты) // *Рефлексия.* – 2012. – № 2-6. – С. 7-9.
- Гарсаев и др. 2016 – *Гарсаев Л.М., Гарасаев А.М. Шаипова Т.С., Гарсаева М.М.* О роли и месте вайнахской женщины в суфийском братстве Кунта-Хаджи (некоторые аспекты) // *Ингушетия в контексте научных проблем и перспектив изучения Кавказа. Материалы Международной научной конференции, посвященные 90-летию Ингушского научно-исследовательского института.* – Назрань: Издательство: ООО "КЭТ", 2016. – С. 87-90.
- Еникеева 2020 – *Еникеева А.Р.* Происхождение и современное развитие традиционных духовных песнопений татар // *Музыкальная культура XXI века: Теория, исполнительство, образование: Материалы I Всероссийской научно-практической конференции, 21 мая 2020 г. / Казанский государственный институт культуры; редколлегия: З.М. Явгильдина, Т.Ю. Гордеева, Л.З. Бородовская.* – Казань: Казанский государственный институт культуры, 2020. – 362 с.
- Магомед-Эминов 2009 – *Магомед-Эминов М.Ш.* Деятельностно-смысловой подход к психологической трансформации личности, дисс. на соискание уч. ст. д. псих. н. – М.: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2009. – 679 с.
- Мутиева 2022 – *Мутиева О.С.* Религиозные практики женщин в мусульманских общинах Северного Кавказа: история и современность // *Вестник Дагестанского государственного университета Серия 2. Гуманитарные науки.* – 2022. – Т. 37. – Вып. 3. – С. 7-14
- Суворова 2011 – *Суворова А.А.* Женское соло в мужском хоре: секта зикри в Пакистане // *Восток (Oriens).* – 2011. – № 2. – С. 122–130.

REFERENCES

- ABDULAEVA M.SH. *Sakral'no-religioznaya muzyka narodov Dagestana: universal'nye kharakteristiki i lokal'nye traditsii* [Sacred religious music of the peoples of Dagestan: universal characteristics and local traditions]. IN: *Kavkaz: perekrestok kul'tur.* – SPb.: MAE RAN, 2021. – Вып. 3. – S. 208-214. (In Russ.).
- ALBOGACHIEVA M. S.-G. *Konferentsiya musul'man respubliki Ingushetiya* [Conference of Muslims of the Republic of Ingushetia]. IN: *Antropologicheskii forum.* – 2011. – № 14. – S. 480-488. (In Russ.).
- ALBOGACHIEVA M. S.-G. *Kunta-khadzhi Kishiev, ego propoved' i posledovateli.* IN: *Sheikh, Ustaz, Ovliya Kunta-Khadzhi Kishiev* [Kunta-haji Kishiev, his sermon and followers]. IN: *Sbornik statei. avt. proekta i sost. R.-Kh. Sh. Albagachiev.* – Nal'chik, 2012. – S. 101-107. (In Russ.).
- ALBOGACHIEVA M. S.-G. *Islam* [Islam]. IN: *Ingushi: kollektivnaya monografiya.* – M.: «Nauka», 2013b. – S. 317-330. (In Russ.).
- ALBOGACHIEVA M.S.-G. *Ingushskaya zhenshchina v gorodskoi i sel'skoi srede* [Ingush woman in urban and rural environment]. IN: *Kavkazskii gorod: potentsial etnokul'turnykh svyazei v urbanisticheskoi srede.* – Sankt-Peterburg, 2013. – S. 290-330. (In Russ.).
- ALBOGACHIEVA M.S.-G. *Radikal'nyj islam v Ingushetii: osnovnye etapy i specifika rasprostraneniya* [Radical Islam in Ingushetia: the main stages and specifics of the spread]. IN: *Islamskie radikal'nye dvizheniya na politicheskoi karte sovremennogo mira.* – M.: "СНекховский Печатный двор", 2017. – S. 283-317.

ALBOGACHIEVA M.S.-G. *Zhenskie sufiiskie praktiki gromkogo zikra v Ingushetii* [Women's Sufi practices of high-profile zikr in Ingushetia]. IN: *Islam v sovremennom mire*. – 2018. – 14 (2). – S. 149-164. (In Russ.).

ALBOGACHIEVA M.S.-G. 2009-2021 – *Polevye materialy*. [Field materials]. Ingushetiya, 2009–2021 gg. (In Russ.).

AKHRIEV Ch. 1871 – *Ob ingushskih zhenshchinah* [On Ingush women]. IN: *Terskie vedomosti*. 1871. № 31. (In Russ.).

BABADZANOV B.M. *Zikr dzhahr u bratstv Central'noj Azii: diskussii, tipologiya, vozrozhdenie* [Zikr jahr at the fraternities of Central Asia: discussions, typology, revival]. IN: *PAX ISLAMICA*. – 2009. – 1 (2). – S. 105-125. (In Russ.).

VIL'DANOV U.S. *Sufizm o puti lyubvi k naivysshemu sovershenstvu (po mirovospriyatuyu sheikha z.Rasuleva)*. [Sufism about the path of love for the highest perfection (according to the world vision of the Sheikh. Rasuleva)] IN: *Problemy vostokovedeniya*. – 2012. – № 1 (55). – S. 7-9. (In Russ.).

GARSAEV L.M., GARASAEV A.M. *Rol' i mesto vainakhskei zhenshchiny v sufiiskom bratstve Kunta-Khadzhi – Chechnya (nekotorye aspekty)* [The role and place of the Vainakh woman in the Sufi brotherhood of Kunta Haji – Chechnya (some aspects)]. IN: *Refleksiya*. – 2012. – № 2-6. – S. 7-9. (In Russ.).

GARSAEV L.M., GARASAEV A.M. SHAIPOVA T.S., GARSAEVA M.M. *O roli i meste vainakhskei zhenshchiny v sufiiskom bratstve Kunta-Khadzhi (nekotorye aspekty)* [On the Role and Place of the Vainakh Woman in the Kunta-Haji Sufi Brotherhood (Some Aspects)]. IN: *Ingushetiya v kontekste nauchnykh problem i perspektiv izucheniya Kavkaza. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennye 90-letiyu Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta*. – Nazran': Izdatel'stvo: OOO "KET", 2016. – S. 87-90. (In Russ.).

ENIKEEVA A.R. *Proiskhozhdenie i sovremennoe razvitie traditsionnykh dukhovnykh pesnopenii tatar* [Origin and modern development of traditional spiritual chants of Tatars]. IN: *Muzykal'naya kul'tura XXI veka: Teoriya, ispolnitel'stvo, obrazovanie: Materialy I Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 21 maya 2020 g. / Kazanskii gosudarstvennyi institut kul'tury; redkollegiya: Z.M. Yavgil'dina, T.Yu. Gordeeva, L.Z. Borodovskaya*. – Kazan', 2020. – 362 s (33). (In Russ.).

MAGOMED-EMINOV M.SH. *Deyatel'nostno-smyslovoi podkhod k psikhologicheskoi transformatsii lichnosti, diss na soiskanie uch. st. d. pskh. n.* [Activity-semantic approach to psychological transformation of personality]. – IN: *M.*, 2009. – 679 s. (In Russ.).

SUVOROVA A.A. *Zhenskoe solo v muzhskom khore: sekta zikri v Pakistane*. [Female solo in male choir: Zikri sect in Pakistan] IN: *Vostok (Oriens)*. – 2011. – № 2. – S. 122–130. (In Russ.).

Информация об авторе

М.С.Г. Албогачиева – доктор исторических наук.

Information about the author

M.S.-G. Albogachieva – doctor of science (History).

Статья поступила в редакцию 29.06.2022 г.; одобрена после рецензирования 29.08.2022 г.; принята к публикации 15.09.2022 г.

The article was submitted 29.06.2022; approved after reviewing 29.08.2022; accepted for publication 15.09.2022.